

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1:821.161.2:81'246.2

Е. В. Аблогина

Национальный исследовательский Томский государственный университет
634050 РФ, Томск, пр. Ленина, 36**РУССКО-УКРАИНСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ БИЛИНГВИЗМ
КОНЦА XVIII — НАЧАЛА XX ВВ.: ФОРМИРОВАНИЕ, ПЕРИОДИЗАЦИЯ,
ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ (СТАТЬЯ ВТОРАЯ)***

© Е. В. Аблогина, 2018

В статье продолжается рассмотрение феномена близкородственного русско-украинского художественного билингвизма конца XVIII — начала XX вв. в соотношении с общими историко-культурными и литературными процессами. Комплексный подход, включающий методы культурно-исторического, сравнительно-типологического, историко-литературного и историко-переводческого анализа, позволяет обобщить основные формы писательского двуязычия, определить его особенности, проследить основные тенденции и закономерности. Зарождение русско-украинской билингвальной литературы прослеживается в текстах наиболее репрезентативных авторов-билингвов середины XIX в.: Т. Г. Шевченко, А. Л. Метлинского, А. С. Афанасьева-Чужбинского, П. А. Кулиша, Д. Л. Мордовцева и Марко Вовчок. В билингвальных текстах Т. Г. Шевченко, А. Л. Метлинского, А. С. Афанасьева-Чужбинского, П. А. Кулиша, Д. Л. Мордовцева, Марко Вовчок, И. Я. Франко Леси Украинки прослеживаются основные формы писательского двуязычия на втором (вторая половина XIX в.) и третьем этапах (конец XIX — начало XX в.), характеризуются их особенности, намечаются перспективы исследования.

Ключевые слова: художественный билингвизм, билингвальный автор, русско-украинский билингвизм, диглоссия, автоперевод, Т. Г. Шевченко, А. Л. Метлинский, А. С. Афанасьев-Чужбинский, П. А. Кулиш, Д. Л. Мордовцев, Марко Вовчок, И. Я. Франко, Леся Украинка.

Если в выборе языка художественного творчества Е. П. Гребенка как и его предшественники ориентировался на свою аудиторию, то на выбор Т. Г. Шевченко оказала влияние цензурная политика. Самый известный малороссийский писатель Т. Г. Шевченко (1814–1861) родился в семье крепостных в Звенигородском уезде Киевской губернии и в двадцать четыре года был выкуплен у помещика выдающимися петербургскими художниками и литераторами, с которыми познакомился, обучаясь в столице живописи. Шевченко стал наиболее ярким выразителем идеи о взаимной дополняемости мало- и великоросов без отрицания этнических особенностей провинции, что позволяло ему применять малороссийское наречие в качестве поэтического идиостиля для романтического описания этого региона. Так, церковно-славянский и староукраинский книжный языки служили ему источниками средств архаизации и стилизации в поэтических сочинениях 1840-х гг. В сборнике стихов «Кобзарь» (1840 г.) отразилась романтическая традиция собирания народных песен, к которой прибегали его литературные предшественники. Одновременно Шевченко опробовал более крупные поэтические формы — поэмы «Катерина» (1838 г.) «Гайдамаки» (1842 г.), «Наймичка» (1845 г.), «Княжна» (1847 г.), и др.

Цензурные урезания коснулись уже первого сборника «Кобзарь». С середины 1840-х гг. требования цензуры значительно ужесточились и в 1946 г. сборник запретили и изъяли из продажи. Причиной стала деятельность Кирилло-Мефодиевского братства, ак-

тивисты которого стремились развивать украинскую народность, что привлекало многих малороссийских авторов (в том числе П. А. Кулиша и Т. Г. Шевченко, осужденных за участие в этом обществе), но также пропагандировали политическую независимость Малороссии от Российской империи в составе объединенных славянских республик.

После поэмы «Сон» (1846 г.), написанной Шевченко на малороссийском языке и представлявшей сатиру на императора и императрицу (в дневнике Шевченко отметил: «Писать запрещено за возмутительные стихи на малороссийском наречии» [1, с. 19]), он был определен рядовым на военную службу в Оренбургский край с запретом писать и рисовать вплоть до освобождения в 1857 г.

Шевченко также первый из малороссийских писателей-билингвов, мемуары которого позволяют оценить рефлексию его билингвизма¹. Так, около двух третей из творческого наследия Шевченко написано по-русски, что делает его основным языком творчества, однако статус родного языка бесспорно принадлежит малороссийскому языку. Так, получив от Кулиша «Записки о Южной Руси» художника, этнографа и фольклориста Л. М. Жемчужникова, Шевченко замечает в своем дневнике: «Какой милый оригинал должен быть этот г. Жемчужников. Как бы я счастлив был увидеть человека, который так искренно, нелицемерно полюбил мой милый, родной язык и мою прекрасную бедную родину» [1, с. 159], однозначно определяя малороссийский язык как «родной». С другой стороны,

многие исследователи задаются вопросом, почему все 295 записей дневника, который он вел в 1857–1858 гг., сделаны по-русски. Многие находят в этом доказательство того, что русский был его основным языком. Так, например, И. Г. Кулжинский высказал мысль, «в душе своей он был русским и думал про себя по-русски. <...> Публика, своего особенного рода, требовала от Шевченка украинских стихов, — ну, он и писал для нее такие стихи; а свой “Дневник”, назначенный им не для публики, а для печати, писал на чистом русском языке» (курсив везде И. Г. Кулжинского) [2, с. 31]. Существует однако мнение, что дневник Шевченко — псевдоавтокоммуникация, то есть он был изначально рассчитан автором на публикацию и широкое распространение, которое гарантировал русский язык. Кроме того, исследователи творчества Шевченко полагают, что стилистика малороссийского языка еще не была достаточно разработана, чтобы отражать оттенки мемуарных сочинений. Таким образом, художественный билингвизм Шевченко связан с рядом факторов и обстоятельств.

Что касается эпистолярия Шевченко, то он писал как на русском, так и на малороссийском, отдавая явное предпочтение русскому в последнее десятилетие. При этом некоторые из писем Шевченко двуязычные. Так, в письмах 1850-х гг. присутствуют русскоязычные блоки, а в письме к Б. Залесскому от 6 июня 1854 г. на малороссийском написана лишь преамбула, а основной текст — по-русски. При этом исследователи отмечают, что в его русских письмах практически нет украинизмов, а в малороссийских письмах русизмы встречаются довольно часто. Объяснением может служить языковая среда: по подсчетам А. Н. Ужанкова в Малороссии Шевченко прожил 14 лет из 47, то есть преимущественно он пребывал в русскоязычной среде. С 30 мая 1847 г. Шевченко находился в ссылке в Оренбургской губернии, затем в Орске и Новопетровске, то есть одиннадцать лет находился вне родной языковой среды. Языковая практика обеспечивалась лишь посредством писем к друзьям-малороссам. Таким образом, малороссийский в это время играл для него роль языка общения (параллельно с русским), но не художественного творчества. Именно в 1850-е гг. в нарушение запрета он пишет многочисленные повести на русском языке: «Наймичка» (1853 г.), «Варнак» (1853–1854 гг.), «Княгиня» (1853 г.) «Музыкант» (1854–1855 гг.), «Несчастный» (1855 г.), «Капитанша» (1855 г.), «Близнецы» (1855 г.), «Художник» (1856 г.), «Прогулка с удовольствием и не без морали» (1855–1858 гг.) и др. Немаловажно, что Шевченко рассчитывал на их скорую публикацию. Так, например, повесть «Княгиня» Шевченко отослал издателю «Отечественных записок» А. О. Краевскому. Кроме того, освободившись в 1859 г., Шевченко побывал на родине — результатом путешествия стал ряд стихотворений на малороссийском языке и материалы для школьных учебников на малороссийском языке, которые он издал в Петербурге как «Букварь южнорусский» (1861 г.)

Очевидно, для сознания Шевченко была свойственна идея синкретичности языков. Это подтверждается воспо-

минаниями И. С. Тургенева о предпринятой Шевченко попытке буквального синтеза языков: «Во время своего пребывания в Петербурге он додумался до того, что не шутя стал носиться с мыслью создать нечто новое, небывалое, ему одному возможное, а именно: поэму на таком языке, который был бы одинаково понятен русскому и малороссу; он даже принялся за эту поэму и читал мне ее начало. Нечего говорить, что попытка Шевченко не удалась, и именно эти стихи его вышли самые слабые и вялые из всех написанных им: бесцветное подражание Пушкину» [4, с. 393]. Кроме того, И. В. Михутина приводит воспоминания Б. А. Дидыцкого, редактора газеты «Слово», согласно которым Шевченко после прочтения «Энеиды» И. П. Котляревского и повестей Г. П. Квитки «загорелся мыслью о создании украинской общенародной литературы. Однако потом по мере знакомства с произведениями А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и особенно Н. В. Гоголя <...> пришел к убеждению о необходимости языково-культурного сближения с Россией и создании такого литературного языка, который был бы понятен и русинам Австро-Венгрии, и русским, сделавшись их общим достоянием» [5, с. 32].

Ощущение причастности двум культурам, некое естественное «раздвоение национальной личности» было свойственно большинству малороссийских авторов. Так, например, Н. В. Гоголь в письме к А. О. Смирновой от 24 декабря 1844 г. рефлексировал свою идентичность в этом же роде: «<...> я сам не знаю, какая у меня душа, хохлацкая или русская. Знаю только то, что никак бы не дал преимущества ни малороссиянину перед русским, ни русскому перед малороссиянином. Обе природы слишком щедро одарены богом, и, как нарочно, каждая из них порознь заключает в себе то, чего нет в другой — явный знак, что они должны пополнить одна другую» [6, т. 12, с. 419].

Единственный известный опыт автоперевода Шевченко связан с драмой «Назар Стодоля», написанной в начале 1843 г. на русском языке и год спустя переведенной на малороссийский для постановки в студенческом театре Медицинской академии. Примечательно, что ремарки Шевченко переводить не стал, оставив на русском языке. Этот факт позволяет судить о неэквивалентности языков и жанрово и ситуативно обусловленному переключению с одного на другой: так, в литературном творчестве следовало использовать тот язык, который давал больше возможностей для решения художественных задач и способствовал публикации. При этом сфера употребления литературными билингвами малороссийского языка с середины XIX в. все чаще оказывается связана с научными историческими и этнографическими трудами.

Этнограф и поэт А. Л. Метлинский (1814–1870) родился в дворянской семье в селе Сары Тадяцкого уезда Полтавской губернии. Во время учебы в Харьковском университете он увлекся народной поэзией и под псевдонимом «Амвросий Могила» издал первый сборник стихотворений «Думки, пісні та шедещо» («Мысли, песни и еще кое-что», 1839 г.), среди которых были как оригинальные произведения, так и переводы из славянских и немецких поэтов. В то же время Мет-

линский начал сочинять поэзию по-русски. Известны его стихотворения «Украинские ночи» (опубликовано в «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”, 1839 г.), «Ключ» (1842 г.), которые также вошли в раздел «Российская поэзия» сборника «Украинские поэты-романтики» (Киев, 1987). В 1848 г. Метлинский издал «Южно-русский сборник», в пяти частях которого были как его собственные стихи, так и других малороссийских авторов. Тематика стихотворений Метлинского была тесно связана с народной поэзией и навеянными ею образами — обращения к казачеству, старине, Днепру, сюжеты из жизни сироты, смерть старика и т. д.

Используя свое билингвальное преимущество, Метлинский посвятил себя малороссийской этнографии, защитил диссертацию «Взгляд на историческое развитие теории прозы и поэзии» (1850 г.). Продолжая научное осмысление малороссийской культуры, Метлинский пытался решить проблему кодификации. Так, он отмечал сложность передачи изменяющихся фонетических вариантов малороссийского наречия при записи народных песен [7]. Метлинский видел себя посредником между русской и малороссийской культурами и одновременно с художественными опытами стремился научно осмыслить малороссийскую культуру и открыть ее для широкой русской аудитории. Он также был первым, кто попытался классифицировать народные песни по жанрам и темам. В предисловии к 475-страничному сборнику образцов народной поэзии «Народные южнорусские песни» (Киев, 1854 г.) он так пояснил свою культуртрегерскую миссию: «Проведши большую часть моей жизни на юге России, я мог трудиться над разработкою народного слова русского преимущественно только на одной из нив обширного поля русского, южнорусской, или украинской. <...> я утешался и одушевлялся мыслию, что всякое наречие, или отрасль языка русского, всякое слово и памятник слова есть необходимая часть великого целого, законное достояние всего русского народа, и что изучение и разъяснение их есть начало его общего самопознания, источник его словесного богатства <...>» [8, с. V].

Еще один уроженец Полтавской губернии и выпускник Нежинской гимназии А. С. Афанасьев-Чужбинский (1816–1875) также сочетал художественное творчество и этнографические исследования. Начав в конце 1830-х гг. сочинять поэзию на русском языке (первым изданным стихотворением было «Кольцо», вышедшее в «Современнике» в 1838 г.), Афанасьев-Чужбинский писал рассказы, романы, рассказы в стихах, переводил с английского, польского и французского.

С 1840 г. Афанасьев-Чужбинский также стал сочинять на малороссийском, чему способствовало личное знакомство с Т. Г. Шевченко в 1843 г. В 1940–50-е гг. Афанасьев-Чужбинский прибегал к многочисленным псевдонимам (без явной языковой или темпоральной дифференциации) или иначе скрывал свое авторство, публикуя свои художественные сочинения. Одновременно под своим именем он издавал этнографические труды: «Странные малорусские думы» в Известиях императорской академии наук (СПб., 1853 г.), «Словарь

малорусского наречия» (СПб., 1855 г.), статьи о малороссийской географии, быте, наречии в «Вестнике императорского русского географического общества за 1855 г.», а после путешествия по Приднепровью — статьи и два тома трудов «Поездка в Южную Россию» (СПб., 1861 г.). Очевидно, он не столько разграничивал творчество по языковому признаку (или опасался преследования за малороссийские сочинения), сколько отделял творческую идентичность от научной.

В 1861 г. кратковременное возвращение к поэтическому творчеству было спровоцировано смертью Т. Г. Шевченко, на которую Афанасьев-Чужбинский отозвался поэтическими посланиями на малороссийском языке.

Далее, в 1870-е гг. Афанасьев-Чужбинский основал и редактировал журнал «Магазин иностранной литературы», а также сочинял на сюжеты из провинциального, столичного и военного быта на русском языке.

Библиография сочинений Афанасьева-Чужбинского, приведенная в двухтомном собрании сочинений (СПб., 1890), позволяет с высокой достоверностью определить соотношение и функционирование языков. Так, на русском языке Афанасьев-Чужбинский написал около 60 стихотворений, более 10 рассказов, около 5 романов, более 50 травелогов, а также многочисленную публицистику и переводы для журналов. На малороссийский язык приходится менее 30 стихотворений, преимущественно изданных в 1855 и 1862 гг.

Еще одна видная фигура украинской билингвальной литературы этого периода — этнограф, фольклорист, историк, критик, редактор, издатель и переводчик П. А. Кулиш (1819–1897). Уроженец Черниговской губернии, он также с детства усвоил малороссийское наречие в виде сказок, легенд и народных песен. Окончив Новгород-Северскую гимназию, в 1839–1841 гг. Кулиш был вольным слушателем в Киевском университете. На это время приходятся его первые литературные опыты, связанные с попыткой переложить малороссийские сказания на русском языке в виде «малороссийских рассказов»: «О том, отчего в местечке Воронеже высох Пешевцов став», «О том, что случилось с козаком Бурдюгом на Зелёной неделе», повесть «Огненный змей» и др. Одновременно с прозаическим творчеством на русском языке, на малороссийском Кулиш пробовал адаптировать жанр исторического романа, а также европейскую предромантическую и романтическую поэзию: при жизни вышли сборники «До світки» («Перед рассветом», 1862 г.), «Хутірна поезія» («Хуторская поэзия», 1882 г.) и «Дзвін» («Колокол», 1892 г.).

С 1850 г. после суда по делу о Кирилло-Мефодиевском братстве и ссылки, Кулиш был лишен права на публикацию своих произведений и печатался под псевдонимом. Он также первым из малороссийских билингвальных авторов взялся активно переводить на малороссийский язык. Так, вместе с И. П. Пулюем и И. С. Нечуй-Левицким в 1860–70-е гг. осуществили перевод Библии с русского на малороссийский (издана в 1904 г.). В сборник «Позичена кобза» («Одолженная кобза», 1897 г.) вошли его переводы из Гете, Гейне, Шиллера и Байрона.

Как и многие упомянутые выше авторы, Кулиш считал художественное творчество с этнографическими исследованиями. Он издал многочисленные исторические труды о Южной Руси, в том числе популярный двухтомник фольклорно-исторических и этнографических материалов «Записки о Южной Руси» (СПб., 1856–1857), для которого ему потребовалось разработать специальный фонетический малороссийский алфавит, получивший название «кулишовка». Распространить такой вид письменного закрепления малороссийского наречия были призваны собственная типография, издающая малороссийских авторов, и южнорусский общественно-политический и литературно-художественный еженеделный журнал «Основа».

Особый интерес представляет опыт автоперевода Кулиша как форма «двойного самопозиционирования в оригинале и автопереводе, реализация двух различных способов субъективации» [9, с. 188]. Его исторический роман «Черная Рада, хроника 1663 года» впервые был опубликован в журнале Русская беседа в 1857 г. и вскоре переиздан отдельным изданием. Вскоре Кулиш создал вольный перевод «Черной Рады», отношения которого с оригиналом можно определить как версии-партнеры. Кулиш рефлексировал свой опыт автоперевода в эпилоге «Об отношении малороссийской словесности к обще-русской»: «„Черная Рада“ написана мною сперва на южно-русском или малороссийском языке. <...> В переводе есть места, которых нет в подлиннике, а в подлиннике осталось многое, не вошедшее в перевод. Это произошло, как от различия духа обеих словесностей, так и от того, что сочиняя подлинник, я стоял на иной точке воззрения, а в переводе я смотрел на предмет, как человек известной литературной среды. Там я подчинялся тону и вкусу наших народных рапсодов и рассказчиков; здесь я оставался писатель установившегося литературного вкуса. Думаю, что от этого подлинник и перевод <...> представляют, по тону и духу, два различных произведения» [10, с. 231]. Кулиш также признает, что попытка написать исторический роман на малороссийском языке заключала в себе «множество ужасающих трудностей», но была вызвана «томительным чувством художника и человека, напрасно борющегося с невозможностью выразить свои душевные речи» [10, с. 252]. Кроме того, Кулиш осознавал, что его читательская аудитория значительно сократится, поскольку чтение на малороссийском языке требовало усилий даже у тех, кто им владел: «Я должен был ограничиться небольшим кругом читателей, ибо немногие из земляков моих в настоящее время способны оценить мои труды по предмету разработки южно-русского языка и возведения его в достоинство исторического повествования» [10, с. 252].

Кулиш пытался писать на обоих языках, даже переводить, однако отчетливо видел разницу в функциональном потенциале русского и малороссийского языков. Так, он замечал о выборе Н. В. Гоголя в пользу русского языка: «Каков бы ни был его талант, <...> он имел бы слабое влияние на своих соплеменников, а на великорусское общество никакого. Но заговорив о Малороссии на общедоступном для обоих племен

языке, он, с одной стороны, показал своему родному племени, что у него есть и было прекрасного, а с другой — открыл для Великороссии свое характерный и поэтический народ, известный им дотоле в литературе только по карикатурам» [10, с. 236].

На билингвальное творчество Кулиша и других малороссов в 1860-е гг. и последующие десятилетия значительное влияние оказали вводимые цензурные ограничения. Так, после польского восстания и попытки издать Священное Писание в переводе на малороссийский (что свидетельствовало о том, что малороссийское наречие не ответвление русского языка, но самостоятельный язык) ужесточились нормы книгопечатания на малороссийском языке. С 1863 г. так называемый Валуевский циркуляр в качестве временной меры предписывал Киевскому, Московскому и Петербургскому цензурным комитетам приостановить издание на малороссийском наречии религиозной литературы, учебной и предназначенной для начального чтения. Разрешалось издавать лишь произведения художественного содержания. Эти ограничения были дополнены в 1876 г. Эмским указом, который ограничивал использование и преподавание малороссийского наречия в Российской империи. Теперь запрещалось ввозить книги на малороссийском языке из-за границы, издавать оригинальные произведения и делать переводы с иностранных языков за некоторыми исключениями, вместо кулишовки предписывалось пользоваться общерусской орфографией. Отныне запрещались театральные постановки и на малороссийском языке, преподавание его в первоначальных училищах, прекращалось издание ряда малороссийских периодических изданий. Введенные ограничения способствовали тому, что центр малороссийского движения переместился на запад и усилил книгоиздательскую деятельность. Так, Кулиш начинает печататься в Галиции: в львовских журналах «Вечерниця» и «Мета» выходят его проза, поэзия, статьи. В надежде опубликовать свой перевод Библии, он в 1860–70-е гг. переводит Пятикнижие, Псалтырь и Евангелие. Также Кулиш активно переводит, в частности Шекспира, Гёте, Байрона, готовит к изданию в Женеве третий сборник стихотворений «Дзвін», завершает историографический труд в 3-х томах «Отпадение Малороссии от Польши». В отличие от предшественников, его зрелая литературная деятельность преимущественно осуществляется на малороссийском языке.

Еще один пример билингвального творчества середины XIX в. — Д. Л. Мордовцев (1830–1905) — действительный статский советник, получивший также известность как автор популярных исторических романов на темы из казачьей истории XVII–XVIII вв. Родившись в семье казачьего происхождения, Мордовцев получил прекрасное домашнее образование, которое продолжил в саратовской гимназии, а затем в казанском университете на историко-филологическом отделении и петербургском университете.

Обучаясь в саратовском университете, Мордовцев переводит с древне-чешского на малороссийский «Краледворскую рукопись», работает переводчиком и редак-

тором «Губернских новостей», собирает исторический материал об истории края, пишет исторические рассказы на русском (первый — «Медведицкий бурлак», Саратов, 1859 г.) и поэзию на малороссийском языке. В «Малорусском литературном сборнике», изданном в Саратове в 1859 г., Мордовцев пробует себя как сочинитель поэзии (раздел «Казаки и море» — 18 стихов из истории морских походов Запорожского казачества в начале XVII в.), переводчик (раздел «Опыт переложения украинских повестей Гоголя на Малорусское наречие») и собиратель малороссийских сказаний (раздел «Четыре варианта Малорусских сказок»).

Творчество на русском языке сначала занимает Мордовцева в меньшей степени: для журналов он пишет публицистические очерки, а также исторические труды. Однако с конца 1870-х по конец 1880-х гг. он пишет многочисленные исторические романы на русском, в которых объединяются русский и малороссийский фольклор в виде интертекста; не оставляет, однако, попыток сочинять на малороссийском — примером тому романы «Две судьбы» и «Палий». Отдельным изданием «Опповидання» Мордовцев печатает свои произведения на малороссийском языке (СПб., 1885).

По сравнению с началом и серединой века, когда большинство малороссийских авторов были литературными билингвами, вторая половина XIX в. и рубеж веков демонстрирует спад и постепенный отказ от русского как второго художественного языка. Помимо упоминавшихся выше Кулиша, Мордовцева и Франко, во второй половине XIX в., а также в начале XX в. примеры литературного билингвизма демонстрируют Марко Вовчок, И. Я. Франко и Леся Украинка.

Марко Вовчок (М. А. Вилинская, в замужестве Маркович, 1833–1907) родилась в селе Екатерининское Елецкого уезда Орловской губернии в обедневшей дворянской семье. Интерес к Малороссии не имел в ее случае этнической мотивировки, но развился благодаря мужу, этнографу А. В. Марковичу, с которым они проживали в Малороссии в 1851–59 гг. На конец 1850-х гг. приходятся первый сборник малороссийских рассказов «Народні оповідання Марка Вовчка» (СПб., 1857) и другие отдельные сочинения. После отъезда в 1859 г. на восемь лет в Европу под именем Марко Вовчак издается проза на малороссийском языке (например, «Три доли», 1861 г., «Сказка о девяти братьях разбойниках и о десятой сестрице Гале», 1863 г., сказка «Кармелюк», 1865 г.) и на русском языке (повести «Тюлевая баба», 1861 г., «Глухой городок», 1862 г. и др.).

Европейский литературный и языковой контекст способствовали адаптации в малороссийских текстах Марко Вовчок европейских жанров и тем в виде социально-бытового рассказа, балладного рассказа и повести, социальной повести, психологического рассказа и повести, социальной сказки и др. Смена языковой среды повлекла за собой появление нового языка творчества — французского: ряд французских рассказов и сказок Марко Вовчок были напечатаны в парижском «Журнале воспитания и развлечения». На материале французской действительности Марко Вовчок создает художественные очерки, объединенные названиями

«Письма из Парижа» (львовский журнал «Мета», 1863 г.) и «Отрывки писем из Парижа» («Санкт-Петербургские ведомости», 1864–1866 гг.)

После возвращения в Россию Марко Вовчок продолжает писать романы, повести и рассказы на русском языке (по свидетельствам биографов и исследователей после смерти мужа в 1867 г. она перестала писать на малороссийском языке²), однако постепенно отказываясь от оригинального творчества в пользу переводов. Так, в 1868–1870 гг. М. А. Маркович руководила отделом иностранной литературы в журнале «Отечественные записки», интенсивно переводила научные и художественные произведения французских, немецких, английских авторов.

Другой представитель билингвальной литературы второй половины XIX в. и рубежа веков — И. Я. Франко (1856–1916) родился в семье зажиточного крестьянина в Галиции, которая как пограничное пространство располагала к мультиидентичности и мультилингвизму. Драматическое переплетение идентичностей галицких русин было подобно вавилонскому столпотворению: основными языками были немецкий, польский, русинский и идиш, при этом в обыденной речи широко употреблялись заимствования из румынского, венгерского, латыни, армянского, французского, чешского, церковнославянского, русского, итальянского, английского, турецкого и арабского [11, с. 26]. В собрании сочинений Франко стихотворения, поэмы, романы, новеллы, очерки, фольклорные записи, полемические заметки, фундаментальные научные труды, публицистика, литературная критика, статьи по вопросам истории и политической экономики, переводы в прозе и стихах — тексты на галицко-русском (или русинском, называемом в Малороссии «язычиєм»), малороссийском, польском, немецком и русском. При этом основными языками литературного творчества для галичанина Франко были малороссийский, немецкий и польский, на которых он писал приблизительно в равных пропорциях. Широко изучаемые немецкие и малороссийские автопереводы Франко [12] иллюстрируют особенности этого межъязыкового и межкультурного взаимодействия, определявшего культуру Галиции на рубеже веков.

Первые тексты были написаны Франко на галицко-русском наречии (стихотворение «Народная песня» 1874 г., фантастический роман-подражание Гофману «Петрии и Довбушуки» 1875 г.) и опубликованы в львовском русофильском журнале «Друг». С 1883 по 1905 гг. Франко сочинял стихи на малороссийском (первый сборник «З вершин і низин» («С высот и долов»), 1887 г. был издан в 1892 г.). Франко также активно переводил на малороссийский русских и европейских классиков (преимущественно с польского и немецкого, а также с греческого, латинского, итальянского, английского).

По-русски Франко преимущественно писал публицистические и научные статьи о литературе, языке и образовании, отдельные письма. В «Энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона вышла его большая статья «Южнорусская литература».

Известно, что Франко удалось напечатать несколько рассказов в петербургском журнале «Жизнь», он также безуспешно пытался наладить сотрудничество со столичным «Северным курьером». Из архива Цензурного комитета становится ясно, что существовал запрет на публикацию его малороссийских сочинений: разрешение было дано лишь на издание нескольких галицких сборников [13]. Очевидно, что издавать сочинения на малороссийском и польском было менее затруднительно. О том, что сочинительство на русском языке не представляло для Франко особой сложности, позволяет судить, например, его письмо редактору «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона С. А. Венгерову от 15 октября 1904 г., в котором Франко предлагал свои тексты для публикации: «Не интересуется ли какая-нибудь из редакций петербургских журналов галицкими делами настолько, чтобы захотела напечатать одну-две статьи в год о Галиции? Я мог бы давать путевые очерки по разным углам Галиции, этюды из общественной и политической жизни. Или, может быть, кому-нибудь была бы интересна моя беллетристика?» [14, с. 174].

Отсутствие автопереводов на русский Франко компенсировал активным участием в создании авторизованных переводов, он также редактировал русские переводы своей поэзии, писал к ним предисловия. Так, например, сохранились 23 письма Леси Украинки к Франко, в которых обсуждаются переводы его прозы на русский, выполненные ею в 1903–04 гг. [15]

Схожим образом обстояло дело с творчеством на русском языке у Л. П. Косач-Квитки, писавшей под псевдонимом Леся Украинка (1871–1913). Косач-Квитка родилась в Новограде-Волинском Волинской губернии Российской империи в дворянской семье потомков малороссийского казацкого старшины. Обращению к малороссийским истокам способствовала семья, многие члены которой увлекались сочинительством на малороссийском языке и этнографическими исследованиями. Сочинять Косач-Квитка начала на русском языке: первое стихотворение «Надежда» библиографы датируют 1880 г. Но уже с 1884 г. в львовском журнале «Заря» выходят первые стихотворения на малороссийском («Ландыш», «Сафо», «Лето красное прошло» и др.), в это же время появляется псевдоним Леся Украинка.

Поскольку издание малороссийских текстов в России было затруднительно, большинство ее сочинений издавались в Галиции, а литературное творчество на русском языке было минимально, ограничено сферами публицистики (известны русские статьи Косач-Квитки «Два направления в новейшей итальянской литературе», «Малорусские писатели на Буковине», «Новые перспективы и старые тени», «Заметки о новейшей польской литературе», «“Михаэль Крамер”». Последняя драма Герхарда Гауптмана»), переводов на русский язык и эпистолярия.

Резюмируя выше сказанное, литературный билингвизм Малороссии — Украины оказался той средой, в рамках которой происходило формирование литературного стандарта от первых литературных опытов

на рубеже XVIII–XIX вв., диглоссии начала XIX в. к становлению литературного языка, двуязычной конкуренции и выбору в пользу национального языка в конце XIX — начале XX в.

Изложенное позволяет также говорить о трех основных этапах функционирования русско-украинского художественного билингвизма в период с конца XVIII до начала XX вв. Первый (с конца XVIII в. до середины XIX в.) приходится на время становления национального литературного языка и зарождение украинской билингвальной литературы в текстах И. П. Котляревского, а затем В. А. Гоголя-Яновского, П. П. Гулак-Артемовского, Е. П. Гребенки, Т. Г. Шевченко, А. Л. Метлинского, А. С. Афанасьева-Чужбинского, П. А. Кулиша, Д. Л. Мордовцева и Марко Вовчок. В этот период малороссийский еще не сформировался как литературный язык и воспринимался авторами-билингвами «как разновидность русской языковой компетенции, усвоенной с детства и пополняемой в течение жизни разными путями» [16, с. 7], что делало литературу на малороссийском языке частью общерусской литературы (отсюда принципиальное отсутствие автопереводов в первые десятилетия XIX в. и лишь отдельные опыты впоследствии).

На втором этапе (вторая половина XIX в.), характеризующемся расцветом украинофильства и началом обособления от великорусской парадигмы, наблюдается разнообразное функционирование би- и мультилингвизма у П. А. Кулиша, Д. Л. Мордовцева, И. Я. Франко и Марко Вовчок. Выбор преимущественного языка художественного творчества в этот период означал ориентацию на определенную читательскую аудиторию, а также определял издательские перспективы. Цензурная политика 1860–70 гг. способствовала тому, что малороссийское книгоиздание переместилось в Галицию и Западную Европу, что способствовало формированию малороссийскими авторами своих издательств, литературной критики, собственного, отличного от общероссийского дискурса на фоне «угасания романтического интереса российской публики к малороссийской экзотике» [17, с. 455–466].

Третий этап (конец XIX — начало XX в.), представленный текстами Д. Л. Мордовцева, Марко Вовчок, И. Я. Франко и Леси Украинки, связан с обособленным развитием малороссийской литературы в условиях повышения статуса малороссийского языка. Согласно статистическим данным рубежа веков, в крупных городах малороссы составляли треть населения, остальные две трети были русские и евреи, говорившие на русском [18, с. 9]. Однако радикализация регионального политического движения способствовала тому, что в 1905 г. малороссийское наречие было признано Российской академией наук самостоятельным языком. Таким образом официально признавался малороссийско-русский билингвизм Малороссии.

В последующие десятилетия при поддержке политики украинизации, проводимой локальными правительствами, малороссийская идентичность окон-

чительно сменяется украинской. Однако в 1920-х гг. идея развития русско-украинского двуязычия, партнерства русской и украинской литератур сменяется новой парадигмой, связанной с началом формирования советской идентичности, что составляет тему отдельного исследования.

*** Статья подготовлена при поддержке
Гранта Президента РФ (МД-4756.2016.6).**

Примечание

- ¹ Этому вопросу посвящены лишь немногочисленные статьи, например [3].
- ² В этой связи некоторые исследователи полагают, что первые малороссийские повести и рассказы, изданные под псевдоним Марко Вовчок, принадлежали мужу писательницы А. В. Марковичу, который был лишен права издаваться, поскольку привлекался по делу о Кирилло-Мефодиевском братстве.

Список литературы

1. Шевченко Т. Г. Дневник // Собрание сочинений: в 5 т. / Под ред. А. Дейча и др. М., 1956. Т. 5. 647 с.
2. Кулжинский И. Г. О зарождающейся, так называемой, малороссийской литературе. Киев, 1863. 32 с.
3. Космеда Т. А. Дневник Т. Г. Шевченко — отражатель его русскоязычного сознания // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. 2007. Сер. Филология. Т. 20, № 3. С. 37–42.
4. Воспоминания о Тарасе Шевченко / Сост. В. С. Бородин, Н. Н. Павлюк. Киев, 1988. 606 с.
5. Михутина И. В. Украинское национальное движение и государственная власть (вторая половина XIX — начало XX века): два типа отношений // Власть и общество: непростые взаимоотношения (Страны Центральной и Юго-Восточной Европы в XX в.): сб. ст. / Отв. ред. и предисл. Е. П. Серапионова. М., 2008. С. 31–44.
6. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 14 т. / Гл. ред. Н. Л. Мещеряков. М.; Л., 1952. Т. 12. 720 с.
7. Метлинский А. О собирании, приведении в порядок, приготовлении к изданию и печатанию народных песен и других произведений народной словесности // Черниговские губернские ведомости. 1853. № 23. С. 200.
8. Народные южнорусские песни / изд. А. Метлинский. Киев, 1854. 472 с.
9. Никонова Н. Е. Собрание немецких сочинений и автопереводов В. А. Жуковского: принципы научного издания *texte enregard* и его место в эдической истории наследия поэта // Вестник Томского государственного университета. 2017. Сер. Филология. № 48. С. 181–193.
10. Кулиш П. А. Об отношении малороссийской словесности к обще-русской. Эпилог к «Черной Раде» // Черная Рада. Хроника 1663 года. М., 1857. С. 231–253.
11. Грыцак Я. Национализируя многоэтничное пространство: история Ивана Франко и Галиции // *Abimperio*. 2009. № 1. С. 23–51.
12. Сикалюк Ю. И. Способы воспроизведения индивидуального стиля И. Франко в автопереводах (на материале немецкого и украинского языков): автореф. дис. канд. филол. наук. — М., 2016. — 22 с.
13. Полянская Л. Царская цензура о произведениях украинского писателя И. Франко // Красный архив. 1940. № 1 (98). С. 263–277.
14. Хинкулов Л. Франко // Жизнь замечательных людей. 1961. Вып. 7 (321). 192 с.
15. Terlyu I. Life-time Translations and Self-translations of Ivan Franko's Works (Based on Polish and Russian) // Проблемы слов'язнознавства. 2014. № 63. С. 73–100.
16. Русские об Украине и украинцах / отв. ред. Е. Ю. Борисенко. СПб., 2012. 456 с.
17. Рябчук М. Русский Робинзон и украинский Пятница: особенности «асимметричных» отношений // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: сб. ст. / Под ред. А. Эткинды, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М., 2012. С. 447–477.
18. Курохтина Т. Н. Межязыковая интерференция в условиях близкородственного украинско-русского двуязычия: автореф. дис. канд. филол. наук. — М., 2010. — 23 с.

E. V. Ablogina

National Research Tomsk State University
634050 Russia, Tomsk, Lenin av., 36

RUSSIAN-UKRAINIAN LITERARY BILINGUALISM OF LATE XVIII — EARLY XX CENTURIES: ITS GENESIS, PERIODIZATION AND ASPECTS OF FUNCTIONING (ARTICLE II)

The article strives for continued research of closely allied Russian-Ukrainian literary bilingualism as a phenomenon of late XVIII to early XX c. in relation to general historical, cultural and literary processes. A comprehensive approach, including methods of cultural-historical, comparative-typological, historical-literary and historical-translational analysis, makes it possible to summarize the main forms of bilingual writing, determine its features, trace the main trends and patterns. The origin of Russian-Ukrainian bilingual literature can be traced in the texts of most representative bilingual authors of the mid-XIX century: T. Shevchenko, A. Metlinsky, A. Afanasyev-Chuzhbinsky, P. Kulish, D. Mordovtsev and Marko Vovchok. In bilingual texts by T. Shevchenko, A. Metlinsky, A. Afanasyev-Chuzhbinsky, P. Kulish, D. Mordovtsev, Marko Vovchok, I. Franco and Lesya Ukrainka the main forms of bilingual writing in the second (second half of the XIX century) and the third periods (late XIX — early XX century) are traced, their features are characterized; prospects for further research are outlined.

Key words: literary bilingualism, bilingual author, Russian-Ukrainian bilingualism, diglossia, self-translation, T. Shevchenko, A. Metlinsky, A. Afanasyev-Chuzhbinsky, P. Kulish, D. Mordovtsev, Marko Vovchok, I. Franco and Lesya Ukrainka.

References

1. Shevchenko T. G. Dnevnik [Diary]. In: Sobranie sochinenij: v 5 t. [Collected Works: in 5 vols.]. Vol. 5. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1956 (rus.).
2. Kulzhinskij I. G. O zarozhdashhejsja, taknazyvaemoj, malorossijskoj literature [On the nascent, so-called, Little Russian literature]. Kiev: Tipografija I. i A. Davidenko, 1863 (rus.).
3. Kosmeda T. A. Dnevnik T. G. Shevchenko — otzrazhatel' ego russkojazychnogo soznanija [Diary of T. G. Shevchenko — are flector of his Russian-speaking consciousness]. In: Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filologiya [Scientific Notes of Taurida National V. I. Vernadsky University. Philology]. Vol. 20. No. 3. Simferopol: Krymskij federal'nyj universitet im. V. I. Vernadskogo, 2007. Pp. 37–42 (rus.).
4. Borodin V. S., Pavljuk N. N. Vospominaniya o Tarase Shevchenko [Memories of Taras Shevchenko]. Kiev: Dnipro, 1988 (rus.).
5. Mihutina I. V. Ukrainskoe nacional'no edvizheni i gosudarstvennaya vlast' (vtoraja polovina XIX — nachalo XX veka): dva tipa otnoshenij [Ukrainian national movement and state power (second half of XIX — beginning of XX century): two types of relations]. In: Vlast' i obshchestvo: neprostye vzaimootnosheniya (Strany Central'noj i Jugo-Vostochnoj Evropy v XX v.) [Power and society: a difficult relationship (countries of central and south-eastern Europe in the 20th century)]. M.: In-t slavjanovedeniya RAN, 2008. Pp. 31–44 (rus.).
6. Gogol N. V. Poln. sobr. soch.: v 14 t. [Complete works: in 14 vols]. Vol. 12. Moscow, St. Petersburg: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1952 (rus.).
7. Metlinskij A. O sobiranii, privedenii v porjadok, prigotovlenii k izdaniyu i pechataniyu narodnyh pesen i drugih proizvedenij narodnoj slovesnosti [On collecting, putting in order, preparing for publication and printing of folk songs and other works of folk literature]. In: Chernigovskie gubernskie vedomosti [Chernihiv province journal]. No. 23. Chernigov, 1853. P. 200 (rus.).
8. Metlinskij A. Narodnye juzhnorusskie pesni [Folk South Russian songs]. Kiev: Universitetskaja tipografija, 1854 (rus.).
9. Nikinina N. E. Sobranie nemeckih sochinenij i avtoperevodov V. A. Zhukovskogo: princip ynauchnogo izdaniya tekste en regard i ego mesto v jedicionnoj istorii nasledija pojeta [V. A. Zhukovsky's complete works and self-translations in German: the principles of scientific publication and its role in the poet's literary heritage publishing history]. In: Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya [Tomsk State University Journal of Philology]. No. 48. Tomsk, 2017. Pp. 181–193 (rus.).
10. Kulish P. A. Ob otnoshenii malorossijskoj slovesnosti k obshhe-russkoj. Jepilog k «Chernoj Rade» [On the attitude of the Little Russian literature to the Great Russian. Epilogue to 'Black Rada']. In: Chernaja Rada. Hronika 1663 goda [Black Rada. The chronicle of 1663]. Moscow: Tipografija Aleksandra Semena, 1857. Pp. 231–253 (rus.).
11. Grycak Ja. Nacionalizirujamnoy etnicheskoe prostranstvo: istoriya Ivana Franko i Galicii [Nationalizing a multi-ethnic space: the history of Ivan Franko and Galicia]. In: Abimperio. No. 1. Kazan': CentrIssledovanij Nacionalizma i Imperii, 2009. Pp. 23–51 (rus.).
12. Sikalyuk Ju. I. Sposoby vosproizvedeniya individual'nogostilja I. Franko v avtoperevodah (na materiale nemeckogo i ukrainskogo jazykov) [Ways to reproduce the individual style of I. Franko in auto-translations (on the basis of German and Ukrainian languages)]. Philology Cand. Diss. — M., 2016 (rus.).
13. Poljanskaja L. Carskaja cenzura o proizvedenijah ukrainskogo pisatelja I. Franko [Tsarist censorship of the works of Ukrainian writer I. Franko]. In: Krasnyj arhiv [The Red Archive]. No. 1. Moscow: Gosudarstvennoe social'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 1940. Pp. 263–277 (rus.).
14. Hinkulov L. Franko [Franco]. In: Zhizn' zamechatel'nyh lyudej. Vyp. 7 [The life of remarkable people. Issue 7]. M.: Molodaja gvardija, 1961 (rus.).
15. Teplyy I. Life-time Translations and Self-translations of Ivan Franko's Works (Based on Polish and Russian). In: Problemi slov'janoznastva [Problems of Slavic Studies]. No. 63. Lviv: L'vovskij nacional'nyj universitet imeni Ivana Franko, 2014. Pp. 73–100 (rus.).
16. Borisenok E. Ju. Russkie ob Ukraine i ukraincah [Russians about Ukraine and Ukrainians]. St. Petersburg: Aletejja, 2012 (rus.).
17. Rjabchuk M. Russkij Robinzon i ukrainskij Pjatnica: osobennosti «asimmetrichnyh» otnoshenij [Russian Robinson and Ukrainian Friday: features of 'asymmetric' relationships]. In: Tam, vnutri. Praktiki vnutrennej kolonizacii v kul'turnoj istorii Rossii [There, inside. Practices of internal colonization in the cultural history of Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. Pp. 447–477. (rus.).
18. Kurohtina T. N. Mezhyazykovaja interferenciya v usloviyah blizkorodstvennogo ukrainsko-russkogo dvujazychiya [Interlingua linter ferencein cafe of close Ukrainian-Russian bilingualism]. Philology Cand. Diss. M., 2000 (rus.).